

Немецкий вопрос и европейское единство

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Федерико Дальвита и Яна ван Лангенховена "L'Europa nella crisi del ordine".

Статьи, которые мы здесь представляем, дополняют рубрику "Европейские хроники" и собраны в книге "Европа в глобальных коллизиях"¹. В ней анализировался мучительный процесс перехода Европы к более высокой степени континентальной централизации, большей стратегической автономии и установления равноправной дуополии с Соединёнными Штатами. Основным двигателем этого движения являются великие тенденции упадка Атлантики и восхождения Азии, но влияют на него и противоречия глобального противостояния.

Теперь в этот процесс врывается украинская война – вооружённое проявление бурных лет кризиса порядка и нарастания противостояния между континентальными образованиями. Война, которую российский империализм развязал в надежде воспользоваться кризисом порядка, вызванным китайским вторжением, поляризует соотношение сил в сторону Атлантики, подвергает испытанию стремление Европы к стратегической автономии, выстраиваемой вокруг рейнской оси, пробуждает воинственные настроения поляков и прибалтов и расшатывает немецкую систему альянсов. По выражению канцлера Германии Олафа Шольца, речь идёт о «*Zeitenwende*» – поворотном моменте ускорения хода истории, вскрывающем как потенциал, так и слабости Европы.

Обнажается отсутствие централизации, о чём свидетельствует чёрный юмор французских комментаторов, а вместе с ним и затяжной характер строительства ЕС. Российское вторжение на Украину обязывает немецкую державу пересмотреть свою длившуюся десятилетиями Ostpolitik и защищать – в контексте утверждения сил, ведущих к расколу империализма – прежнюю многосторонность, политику баланса и амбивалентность между Атлантикой и Азией, которая до сих пор была скрытой, а также формировать в тени НАТО европейскую стратегическую автономию. В Париже заметно недовольство тем, что потерпела неудачу доктрина Макрона о европейской «сбалансированной державе», которая была бы нацелена на «европейский суверенитет» и способна поддерживать зрелый силовой диалог с Москвой, а также обеспечивать стратегическое управление наравне с Вашингтоном.

Однако центр тяжести рейнской оси и всего континента находится в точке евроатлантизма, так что развитие связи с США и трансформация этой связи в направлении большей стратегической автономии Европы протекают в рамках единого процесса. В книге "*Die Grenzen der Macht*" ("Пределы державы") историк Михаэль Штюмер пишет, что «из поражения в двух мировых войнах немцы сделали важный вывод: они могут и даже должны действовать только в рамках союзов и объединений».

В рамках многочисленных альянсов, сейчас предоставленных в распоряжение европейского империализма, в которых Германия действовала начиная с послевоенного периода, связи с Россией, которым мы дали определение «энергетического Рапалло», можно считать третьим фундаментальным союзом наряду с трансатлантическим союзом и франко-европейским Westbindung. Теперь война по крайней мере на десятилетие резко оборвала или поставила под угрозу связи с Москвой.

К этим трём ориентирам немецкой и европейской державы добавляется четвёртый – интенсивные экономические связи с Китаем. В 1980-х годах двойственные отношения между Атлантикой и Азией использовались Германией в отношении Японии, пока в 1989 году они не стали рычагом, чтобы вырвать согласие США на воссоединение страны; сегодня он направлен на Китай и остальную часть Индо-Тихоокеанского региона в попытке договориться с атлантическим союзником о равноправной дуополии и кооптации восходящих держав в рамках реформированной глобализации.

Штюмер указывает на своеобразный характер немецкой традиции, восходящий к геополитическому положению и древней истории Германии: «Быть центром и мостом –

давняя немецкая мечта. Она старше послевоенного периода и воссоединения, старше Бисмарка и Пруссии. Она уходит своими корнями в Священную Римскую империю, которая пыталась создать европейский порядок из центра, но безуспешно». Историк Генрих Август Винклер в тексте "Wiewirwurden, waswirsind" ("Как мы стали теми, кто мы есть") указывает, что «миф об Империи» уходит своими корнями в немецкую идеологию, для которой характерна апелляция к библейскому образу Катехона – силе, способной спасти мир от гибели. Но желание быть «в центре», подчёркивает Штюмер, было для Германии «вечной проблемой, иногда мечтой, но в основном травмой».

После Тридцатилетней войны, когда Германия потерпела катастрофу, в последующие века проблема Германии как «средней державы» наполнялась капиталистическим содержанием, отражавшим её диалектику единства и раскола. В империалистическом XX веке, когда Берлин пытался быть «центром» посредством силы, он, по выражению Штюмера, должен был осознать свои «ограничения» в катастрофах двух мировых войн. Наученная разрушением себя и континента, в «эпохальный поворотный момент» европейского единства Германия пришла к континентальной интеграции и атлантической связи, чтобы решить «немецкий вопрос»: *«Идея немецкого центра Европы не имеет под собой реальной основы. История припасла слишком много предупреждений на такой случай. [...] Поэтому в число условий, выдвинутых Западом для одобрения объединения Германии, входило подтверждение её роли в реформированном Атлантическом союзе и укреплении европейской соединительной ткани».*

В рамках этой евроатлантической расстановки, определившей послевоенный либеральный порядок, Германия и защищает линию расширения альянсов и интеграционных объединений глобализации до уровня, необходимого в новой стратегической фазе, т. е. в эпоху конфронтации между державами континентальных масштабов. Сегодня, когда тот либеральный порядок, который в XX веке отождествлялся с американским превосходством, переживает кризис, столкнувшись с восхождением Китая и закатом Атлантики, это также относится и к американским течениям, скорее «миссионерским», чем реалистским, склоняющимся к межблоковому противостоянию. В США и Европе разные объективные ориентиры держав, а также разные исторические и политические традиции порождают разные склонения одной и той же концепции Запада и западного единства.

ЕС, который, начиная со своего немецкого компонента, является в основном экономической и экспортной державой, делает акцент на открытии торговли и на переговорах в соответствии со своими стратегическими ориентирами, то есть на *унитарном моменте* диалектики единства и раскола, и это отражает тот факт, что ЕС, по выражению Ангелы Меркель, – это «многосторонний проект», направленный на объединение усилий множества стран внутри себя и на защиту либерального порядка, основанного на правилах, снаружи. Но при капитализме открытие обменов и развитие рынков всегда сопровождается разделением на классы и государства и всеобщей борьбой за раздел этих рынков. Таким образом, процесс европейского объединения, защищая многосторонность, укрепляет определённый полюс силы в многополярном противостоянии, усиливая империалистический раскол.

Пандемия столетия, как и другие кризисы прошлого, стала катализатором лидерства федеральных властей. Наряду с развитием здравоохранения и общей промышленной политики был сделан решающий шаг в области бюджетной централизации. Появились даже разговоры о «гамильтоновском моменте» в процессе усиления европейских «биржевых мощностей», ставшего возможным благодаря выпуску общего долга: «Next Generation EU» (NGEU) – бюджетные мощности, управляемые федеральной властью Еврокомиссии, которая вышла усиленной из испытания пандемией, могут выступить в качестве сильного социал-империалистического инструмента по обеспечению внутренней сплочённости и использования государственной власти как оружия в борьбе на континентальном уровне.

Опыт пандемии ускорил движение к «Европе, которая защищает», в соответствии с формулой Эмманюэля Макрона. Бюджетные мощности европейского долга, испытанные

во время санитарного кризиса, и отстаиваемая Францией промышленная политика заявляют о себе – с помощью других механизмов, таких как “REPowerEU” и “European Chips Act” – в качестве инструментов государственного вмешательства в различные области мировой конкуренции: от “зелёного” перехода до цифровых технологий и микроэлектроники. Ведутся дебаты о создании европейского суверенного фонда, который станет реакцией на американский протекционизм, отразившийся в таких мерах, как “*Inflation Reduction Act*” (IRA), или технологическое отречение восходящих держав и китайского государственного капитализма. Европа с её амбивалентной формулой «открытой стратегической автономии» защищает либеристский знак экономического цикла, но в то же время наделяет себя суверенными полномочиями: китайское вторжение навязало дирижизм и силу государства как оружие в противостоянии, градус которого повышается.

Национальные государства оказываются бессильными перед процессами, разворачивающимися в масштабе целых континентов – Азии или Африки. Национал-социалистские партии, наученные британским кризисом, испытывают европейское раскаяние и садятся на привязь Брюсселя, обладающего деньгами и способностью обуславливать. Перед лицом великих глобальных потрясений эти политические силы, ностальгически цепляющиеся за старый хлам национализма и мифов о родине, поспешно приспособляются к евронациональным дозировкам и градациям, чему в итальянском случае помогает непревзойдённая в своём мошенничестве трансформистская традиция. Заботясь, прежде всего, о подсчёте голосов, эти партии используют ксенофобские и охранительские темы, разжигая самые ядовитые и реакционные идеологии, которые отрицают международное единство нашего класса. Для них, вероятно, открывается возможность сыграть роль пограничных “сторожевых псов” в *европейской империалистической политике в отношении иммиграции*. Однако и в этой сфере из-за прогрессирующих демографических зим в старых державах – от Америки до Европы и Японии – всё больше проступают контуры конкуренции за обеспечение миграционных потоков, с помощью которых можно восполнить нехватку рабочей силы и обеспечить тяжёлое бремя государственного долга и соцобеспечения.

Европейский империализм, испытывающий трудности в процессе политической централизации множества государств и надстроек, сталкивается с ещё одним противоречием: правящий класс Европы вынужден бороться за перезапуск континента, но в то же время должен найти связь с массовой базой, отступающей в страхе перед упадком Атлантики. Новый глобальный курс на утверждение государственной власти, уже ставший структурным, мог бы предложить необходимый виатикум – европейский социал-империализм континентального масштаба, использующий силу государства для защиты напуганной и разгневанной массовой базы.

Брексит – яркое проявление этого политического цикла, отражающего мелкобуржуазные и собственнические страхи, а также демографическое старение, при котором распространяется психологическая черта недоверия к молодым силам иммиграции. Но разрыв с ЕС ограничивает Лондон и его массовую базу государственными средствами приходящей в упадок средней державы, где *кризис соцобеспечения и социал-демократизации*, свойственный всем старым метрополиям, не сможет быть разрешён за счёт континентального масштаба. Теперь полигоном для английской островной идеологии является украинская война и её последствия. Повышение уровня разногласий свидетельствует о стратегическом ущербе, который нанёс Великобритании Брексит, лишивший Лондон стратегической глубины, которая обеспечивалась политической и институциональной связью с континентальной массой ЕС.

Март 2023 г.

¹ - На русском языке книга выпущена в 2019 году АНО “ЦМИ «Новый Прометей»”.